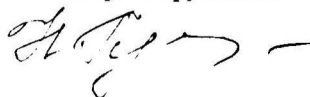

0- 770548

На правах рукописи

Гущина Наталья Александровна

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: СОЦИОСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ**

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Новочеркасск – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)»

**Научный
руководитель**

доктор социологических наук, профессор
Щербакова Лидия Ильинична

**Официальные
оппоненты:**

доктор социологических наук, профессор
Слепцов Николай Степанович
Российская академия государственной службы, г. Москва

кандидат социологических наук
Верещагина Анна Владимировна
Институт по переподготовке и повышению квалификации
Южного федерального университета, г. Ростов н/Д

Ведущая организация

**Институт социально-политических
исследований РАН**

Защита состоится «02» июля 2008 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «1» июня 2008

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in black ink, appearing to read "M. Marinov".

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Молодежь выполняет важную социально-воспроизводственную функцию в обществе, то есть ей принадлежит возможность определять перспективы социального развития, от ее мобилизационного, трансформационного и креативного потенциала зависит состояние общественных отношений, социальный порядок. Ведь молодежь не только поддерживает социальное достояние старшего поколения, она вносит принципиально новые условия и тенденции в функционирование социальных отношений, легитимные связи и доминирующие социальные настроения в обществе. Российская молодежь, несмотря на количественное сокращение в социально-возрастной структуре российского общества в связи с демографическим кризисом и повышением социальных рисков в молодежной среде, является резервом и действующей социальной силой в социальном и социально-экономическом развитии страны. Как пишут В.И. Чупров и Ю.А. Zubok, «включаясь в общество, интегрируясь в его структуры, она не только наследует условия жизни и отношения, оставленные родительскими поколениями, но и преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал»¹. Конечно, сфера приложения достигнутых способностей и качеств молодежи определяется ее положением в обществе, статусом в социальной структуре и политической иерархии, а также тем, находится ли молодежь в состоянии «взвешенного слоя», на периферии общественной жизни или полностью и активно интегрирована в социальные отношения, имеет доступ к социальным, экономическим, властным и культурно-символическим ресурсам.

В преобразованиях российского общества ведущая роль принадлежит элитным слоям, так как если характеризовать социальных акторов трансформационного процесса, как процесса кардинальных изменений всех сторон общественной жизни, элита является основным субъектом, определяющим социальные изменения в силу своей консолидированности, управленческого опыта, сохранения властных позиций и возможностей устанавливать правила игры.

Российские элиты, несмотря на отраслевую и территориальную дифференциацию, могут быть отнесены к группе, имеющей определенные различия по структурным, идентификационным и деятельностно-мотивационным параметрам от других социальных и социально-профессиональных слоев российского общества. Т.И. Заславская отмечает, что «ядро социальных акторов макроуровня составляют лица, располагающие наибольшим ресурсом влияния. Они представляют группы, в руках которых сосредоточена подавляющая часть властных и административно-правовых и большая часть экономических ресурсов общества»². Именно они воздействуют на формирование базовых институтов, задают «тон» в векторе преобразований, осуществляют влияние и давление на остальное население, как управляемых микроакторов трансформационного процесса.

¹Чупров В.И., Zubok Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000. С. 5.

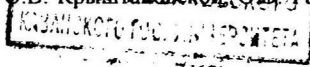
² Заславская Т.И. Современное российское общество. Социетальный механизм трансформации. М., 2005. С. 280.

Поэтому актуальным представляется анализ места молодежи в воспроизводстве региональных элит. Конечно, в условиях восстановления «вертикали власти», упорядочивания политико-правового пространства влияние региональных элит, как субъектов политики, уменьшилось, и они уже не претендуют на «роль равных» с федеральным Центром, не заявляют открыто о своих властных амбициях и не могут не считаться с позициями элит федерального уровня. Однако при очевидном перераспределении властных и экономических ресурсов в пользу Центра, региональные элиты составляют 80% элитных слоев российского общества, им принадлежит весомый голос в федеральных структурах власти (в первую очередь, законодательной). От их социальной активности, профессионально-управленческой позиции, от жизненных диспозиций зависит, во многом, жизнь населения провинциальной России.

Российская молодежь, несмотря на высокие образовательные и профессиональные позиции, декларирование достиженческих стратегий, слабо заявляет о себе как о «резерве» и источнике обновления элит. По данным известного российского элитолога О.В. Крыштановской, средний возраст регионального руководителя при В.В. Путине равняется 54 годам³, что, конечно, выглядит прогрессом по сравнению с геронтократией советского периода, но явно недостаточным, чтобы свидетельствовать о тенденции омоложения, особенно актуальной в среднем управленческом звене. С чем связано такое положение, имеет ли значение «отторжение» подавляющей частью молодежи элитной карьеры или действуют «сословные», политические, социальные, профессиональные барьеры, институциональные ограничения на пути вхождения молодежи в региональные элиты?

Данная проблема носит теоретико-методологический характер и социально-практическую направленность потому, что чрезвычайно важно выяснить, является ли российская молодежь социальным аутсайдером или трудно, но постепенно становится «модернизационным» слоем российского общества. В тех же регионах, где есть и условия для ускорения социально-экономического развития, и накоплен мощный соединительный потенциал, участие молодежи в социально-трансформационном процессе может сделать будущие социальные сценарии слоев умеренно оптимистичными. Пожалуй, у серьезного исследователя не вызывает возражений процесс обновления региональных элит, другое дело – как ротация может влиять на качество управления регионами, как складываются отношения между «новичками» и «стариками», как старые региональные элиты могут ощущать себя не только хозяевами регионов, но и «ответственными за развитие региона», и действительно ли приток молодежи содействует изменению социальных качеств региональных элит? Указанные проблемы и определяют актуальность исследования.

Степень разработанности темы исследования. Социоструктурные аспекты позиционирования российских региональных элит рассматриваются в работах Г.К. Ашина, О.В. Крыштановской, О.В. Таман-Голутвиной, А.В. Дуки,

³ Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования, 2003. № 11. С. 4.

В.Г. Игнатова, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина⁴. Подчеркивается, что формирование и функционирование российских региональных элит имеет определяющую социальную и социокультурную специфику, связанную и с политическим бюрократизмом, и с тенденцией сохранения власти, практического применения административного ресурса и принципом лояльного профессионализма. Проблема вхождения молодежи в региональные элиты стала объектом анализа Ю.А. Зубок, И.И. Ильющенко, А.Е. Чириковой, А.К. Агапонова, Н.Ю. Лапиной⁵. Указанные исследователи исходят из ориентированности молодежи в регионах на бизнес-карьеру или «стабильный заработок» в государственном секторе и отмечают ее политический индифферентизм, значительно снижающий жизненные шансы в построении элитной карьеры.

Оценка перспектив вхождения молодежи в элиту современной России приводится в исследованиях Е.А. Гришиной, И.Н. Барыгина, М.Х. Фарухшина⁶, что выводит на необходимость установления корреляционных связей между гражданскими позициями молодежи и предрасположенностью к элитной карьере, между ее гражданской идентичностью и перспективами вхождения в региональные элиты.

Вопросы институциональных условий интеграции молодежи в региональные элиты актуализированы в работах Т.И. Заславской, М.А. Шабановой, И.В. Куколева, А.А. Зудина, П.Л. Карабущенко⁷. Основным для данного направления является анализ норм интеграции и социальной мобильности молодежи как формы социальной организации молодежи, что приводит авторов к выводу

⁴ Ашин Г.К. Элитология: Смена и рекрутирование элит. М., 1998; Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2004; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. Дука А.В. Региональные элиты в институциональном развитии. СПб., 2000; Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные политические элиты в зеркале социологии. Ростов н/Д, 2001; Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитологи об элитах. Ростов н/Д, 2007.

⁵ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007; Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999; Агапонов А.К. Технологии формирования и повышения ответственности региональных органов власти. Ростов н/Д, 2005.

⁶ Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999; Барыгин И.Н. Региональные элиты России: политические и экономические ориентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1; Фарухшин М.Х. Региональные политические элиты: смена ролей // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д, 2004.

⁷ Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2005; Шабанова М.А. Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2005; И.В. Куколев Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4; Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. Астрахань, 1998.

об ограниченности удовлетворения достиженческих потребностей молодежи в сфере подчинения, геттоизации ее социальной активности в экономической сфере и на рынке услуг и потребления. В условиях институциональных нововведений, связанных с позициями «самостоятельности», российская молодежь ориентируется на сферы с «дефицитом кадров» или с меньшей степенью «рутинизации» и «корпоративных правил». Элита воспринимается молодежью как клуб избранных, где действуют явные и неявные возрастные, культурные и профессиональные барьеры.

М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, О.В. Гаман-Голутвина, Л.В. Поляков, Е.З. Майминас определяют отношения российской молодежи к элитам как «антибюрократические» или «нейтрально-выжидательные», считая, что установки молодежи на «жизненный успех» связаны в большей степени с обретением новых конкурентоспособных качеств и навыков (иностранный язык, компьютер), чем с усвоением правил «элитной игры», к которым молодежь относится как к представляющим интерес только для старших поколений и не дающих возможностей личного счастья и социализации⁸.

Л.Д. Гудков, А.Г. Левинсон, Н.Ю. Беляева, С.С. Восканян в своих исследованиях обосновывают коллизии «отстраненности» молодежи от элит, связанную с расхождением индивидуальных траекторий молодежи и идентификацией с рыночными создаваемыми институтами, и иерархией власти, непосредственной и закрытой по отношению к обществу. Молодежь не испытывает доверия к элитам и не считает «вхождение в политическую элиту» перспективной карьерой. По мнению данных исследователей, «подвластные» элиты, отсутствие социально-контрольных отношений с обществом и неопределенность социально-статусного положения молодежи ведут к блокированию каналов восходящей социальной мобильности и применению молодежью форм негативной мобилизации и солидарности.

В.А. Ядов, А.Л. Магун, И.С. Семененко, Н.В. Калинин подчеркивают определенную динамику элитных ценностей в ориентациях молодежи, что связано с ее установками на индивидуальные жизненные стратегии, внутреннее дистанцирование от власти и демонстрацию интереса к вхождению в элиту через достижение определенного статуса в бизнес-сфере. Региональные элиты рассматриваются как акторы, обменивающие экономический ресурс на властный капитал в отличие от советского периода с возможностью конвертации культурно-символического капитала на «место в элите».

Таким образом, можно сказать, что в исследовании данной проблемы авторы придерживаются социоструктурного и деятельностно-мотивационного подходов, что обеспечивает накопление знания об интеграции молодежи в общество, ее поведенческих стратегиях и ценностных ориентациях. В литературе выявлены и определены тенденции формирования и функционирования региональных элит, но присутствует и «параллельность» исследовательских парадигм: особенности вхождения молодежи в региональные элиты анализируются

⁸ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2005.

преимущественно как бы «со стороны элиты», ее «непрозрачности», сословности, затрудненности каналов «выбытия» и «ротации». Роль молодежи в процессе формировании элит не менее очевидна, и это позволяет полагать, что существует необходимость в проведении исследования в данном направлении.

Целью диссертационного исследования является анализ социальной роли молодежи в воспроизводстве российских региональных элит.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать социально-воспроизводственную функцию молодежи в формировании региональных элит;
- выявить особенности элитогенеза российских региональных элит и каналов ее рекрутирования;
- рассмотреть институциональные возможности молодежи для вхождения в региональные элиты;
- рассмотреть отношение молодежи к возможности участия в обновлении региональных элит;
- исследовать «элитизм» в иерархии ценностных предпочтений молодежи;

– охарактеризовать идентификационные предпочтения российской молодежи в контексте повышения инновационной активности региональных элит

Объектом исследования является российская молодежь, как социальный слой, обладающий определенными социальными притязаниями в формировании регионального социального и политического пространства.

Предметом исследования является участие российской молодежи в формировании региональных элит, как группы резерва и давления в контексте понимания и взаимодействия элит с остальными социальными слоями.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения классической и постклассической социологической мысли, концепция социальной интеграции Т. Парсонса, мобилизационного потенциала молодежи К. Манхейма, социальных ресурсов П. Бурдьё. В диссертации также операционализируются положения о социально-воспроизводственной функции молодежи российских исследователей Ю.А. Зубок и В.А. Чупрова, социальных диспозиций В.А. Ядова, региональных элит Г.К. Ашина, а также принципы институционального, комплексного, сравнительного, исторического подходов.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют данные социологических опросов, проведенных учеными ИСПИ РАН, ИКСИ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РГУ, материалы исследования Северо-Кавказской академии государственной службы на тему «Элиты и будущее России: взгляд из регионов» (2007 г.), а также результаты самостоятельного социологического исследования, проведенного автором в гг. Краснодар, Анапа по программе: «Социальная активность молодежи в регионе» в мае-июне 2007 г.

Научная новизна исследования заключается в обосновании и верификации «косвенного участия» молодежи в воспроизводстве региональных элит и отсутствия у молодежи востребованных социетальных качеств, что выражается в следующем:

- дан критический анализ концепции социально-воспроизводственной функции молодежи в контексте воспроизводства региональных элит;
- определены социоструктурные и идентификационные параметры региональных элит, связанные с возможностью ее обновления путем рекрутирования молодежи;
- осуществлен анализ институциональных возможностей интеграции молодежи в региональные элиты, связанных с дисфункциональностью социальных институтов;
- охарактеризованы позиции молодежи в отношении смены российских региональных элит как процесса ее кардинального «омоложения» и дебюрократизации;
- определено место «элитных ценностей» в иерархии ценностных предпочтений российской молодежи, которые занимают периферийные позиции под влиянием инструментальных ценностей;
- охарактеризованы идентификационные предпочтения молодежи, ориентированные на «диффузные» или демонстрационные идентичности, что снижает возможность присоединения к элитному слою по критерию недостижимости.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт социально-воспроизводственной функции молодежи в обществе признает роль молодежи в воспроизводстве и развитии социальных отношений через усвоение социально-ролевых и поведенческих комплексов. Незначительное, «косвенное» участие молодежи в формировании региональных элит обусловлено рядом объективных и субъективных факторов: неполной социальной интеграцией; «слабостью» политической социализации; ориентацией устремлений преимущественно в экономическую сферу; воспроизводством номенклатурных традиций в формировании региональных элит. Доминирующая социально-воспроизводственная схема ориентирована на транзитивный статус молодежи, ее «ученичество» в социально-политической структуре, подчеркивая функцию молодежи как «успешного поколения», но не учитывая вынужденность ее социальной и политической апатии.
2. Элитогенез российских региональных элит базируется на принципах подбора по профессиональной лояльности, наличию опыта управления и стажа пребывания на руководящей должности, корпоративизме. Региональные элиты ориентированы на сохранение власти, стабильного статуса, «номенклатурности», соответственно, сдержанно относятся к перспективе конкуренции путем применения демократических процедур. В воспроизводстве региональных элит не создаются условия для рекрутирования молодежи в качестве резерва обновления.
3. Институциональные возможности российской молодежи в воспроизводстве региональных элит основаны на процессах демократизации элит, разнообразии социальных и социально-профессиональных ролей, вовлеченности в реализацию общезначимых региональных программ. Однако пониженная социальная и территориальная мобильность, маргинализация правовых норм и практика административного давления способствуют воспроизводству «модели наставничества» молодежи, отведению ей роли «второго эшелона» элиты или «ри-

туалистов», ориентированных на формальные процедуры одобрения компетенции региональными элитами. В российских региональных элитах доминируют «внутриэлитная циркуляция», кооперация власти и собственности с целью создания «запасных позиций» и установления контроля над молодежными структурами.

4. В позициях российской молодежи содержится признание актуальности обновления региональных элит путем привлечения управленцев-профессионалов, избавления от «клановости», коррумпированности и «бесконтрольности» по отношению к населению регионов. Однако выявленные установки молодежи носят преимущественно демонстративный характер, связанный с дистанцированием от власти и государства, индивидуализацией жизненных стратегий, перспективой свободы вне институционально-правового пространства, и не направлены на движение в поддержку гражданского участия молодежи в управлении обществом и демократизации региональных элит.

5. В иерархии ценностных предпочтений российской молодежи элитные ценности (карьера, власть, профессиональный долг) занимают периферийное положение, так как в восприятии молодежи инструментальные ценности «успеха», личного счастья, семьи доминируют, привлечение в элиты рассматривается как решение личных проблем за счет элитного статуса, что, однако, не означает, что инструментальный активизм направлен на обновление региональных элит. Скорее речь идет о «переводе» ценностей индивидуализма и прагматизма в состояние «ответственного индивидуализма» и привнесении в элитную среду соревновательности и стремления к инновационности.

6. Идентификационные модели российской молодежи, действующие по принципу выбора диффузных и демонстрационных идентичностей, слабо коррелируются с гражданской идентичностью, которая могла бы стать альтернативой по отношению к традиционной государственной и региональной идентичностям. Идентификационная матрица региональных элит, построенная на «региональном патриотизме», противоречит государственной службе и «корпоративизму», не принимается молодежью как ориентированная на нормы лояльности и субординации. Это снижает возможность рекрутизации молодежи и способствует стагнации идентификационного выбора региональных элит и ее «транзитивному» статусу в иерархии современных российских идентичностей. Так как молодежь слабо дифференцирует элиты, готовность присоединения к региональной элите определяется либо «социальным патронатом», либо традиционной формулой «молодежного активиста».

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы способствуют операционализации социального участия молодежи в региональной элитологии и служат научно-теоретической базой для формирования и реализации региональной молодежной политики.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в подготовке учебных дисциплин по специальности «Организация работы с молодежью», а также при чтении учебных курсов по общей социологии, социологии молодежи, социологии регионов.

Апробация работы. Основные результаты исследования представлялись автором на международных научно-практических конференциях «Элиты и

будущее России: взгляд из регионов» (Ростов-на-Дону, 12-13 октября 2007 г.); «Проект Евразия: Влияние партнерского взаимодействия на эффективность социальной адаптации молодежи» (Новочеркасск, 2004 г.); межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде» (Ростов-на-Дону, 2008 г.); межвузовской научной конференции «Актуальные социально-экономические проблемы города-курорта Анапа и пути их решения» (Анапа, 2005 г.); межвузовской научно-практической конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Анапа, 12-13 апреля 2007 г.). По результатам диссертационного исследования опубликовано 9 научных работ, среди которых публикации в изданиях, включенных ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых: Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова (2006 г.), / Научная мысль Кавказа. Дополнительный выпуск. 2006. Общий объем публикаций составляет 5,65 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, которые включают шесть параграфов, заключения и списка литературы из 196 источников. Объем диссертации составляет 149 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы диссертации, освещается степень ее научной разработки, определяются цель, задачи, объект, предмет, теоретико-методологическая основа и эмпирическая база исследования, формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «**Теоретико-методологические подходы к исследованию молодежи как резерва региональных элит**» определяется теоретико-методологический конструкт исследования на основе сравнительного анализа доминирующих подходов элитологии.

В первом параграфе «**Молодежь в социальном воспроизводстве региональных элит: аргументы “за” и “против”**» дается характеристика классического и постклассического подходов к исследованию проблемы участия молодежи в воспроизводстве элит.

Отмечается что, в современной социологической мысли обозначились следующие подходы к социально-воспроизводственной функции молодежи в обществе. В.А. Чупров, Ю.А. Зубок⁹ настаивают на актуальность функции воспроизводственного потенциала молодежи в материальной сфере, полагая, что от участия молодежи зависит экономическая и социальная стабильность. Молодежь интегрируется в общество через овладение определенной профессией и идентификацию с трудовым коллективом. В позиции, разделяемой М.К. Горшковым, Н.Е. Тихоновой, предлагается рассматривать социально-воспроизводственную функцию молодежи в контексте ее достиженческих, рыночных ориентаций и отмечается ее социальная мобильность, стремление «по-

⁹ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. – М., 2001.

кинуть» традиционные социально-профессиональные ниши и освоить инновационные секторы экономики и социальной жизни.

В постклассическом варианте Л.Г. Ионина социально-воспроизводственная функция молодежи фактически дезавуируется, поскольку молодежь характеризуется разнообразием стилей жизни, а не определенными социально-статусными позициями, ориентируется на демонстрационное подчинение, а не связана с траекторией социализации. В анализируемых концептах, которые исходят или из понимания молодежи как «резерва» общества, или допускают «префигуративность» молодежи, ее лидерство в формировании социальной жизни, вопрос о вхождении молодежи в элиту остается вынесенным за пределы обсуждения. Анализируемые теоретико-методологические предпосылки дают основания оценки эвристического, объяснительного и прогностического потенциала социально-воспроизводственной концепции молодежи, так как связаны с парадигмой классической социологии (К. Манхейм, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер, Р. Дарендорф).

В диссертационном исследовании подчеркивается, что в современном обществе дела обстоят иначе. Во-первых, опыт старших поколений перестает быть «ресурсом» социальной мобильности, так как общество представляет «мир расходящихся интересов», в котором не существует иерархии по критерию социального опыта. Во-вторых, пожилое и среднее поколение могут предсказать характер грядущих перемен, но реализовать социальную независимость и жить новой жизнью предлагают молодежи. Уже поэтому молодежь не может быть в стороне от преобразований, иницилируемых элитными слоями. В-третьих, если социальная мобильность является «делом самого индивида», молодежь открыта любым начинаниям и для нее не может существовать закрепление обществом в виде традиции или правовой нормы запрета на конкретный вид профессиональной деятельности и присоединение к конкретной социальной группе. Выводится универсальность социальных притязаний молодежи, когда единственным легитимирующими критериями являются образовательный статус и профессионализм. К. Манхейм особенно подчеркивает роль молодежи в период кардинальных изменений, приспособления общества к быстро изменяющимся обстоятельствам¹⁰.

По мнению автора, в позициях структурно-функционального анализа молодежь анализируется в контексте проблемы поколений, конфликта или сотрудничества «отцов и детей». Подчеркивается, что социологический анализ свободен от морального осуждения и одобрения, так же и от однозначного приписывания молодежи радикального бунтарства или гедонизма и социальной апатии.

Выявлено, что молодежь участвует в воспроизводстве элит двумя путями: приглашением выпускников престижных учебных заведений и опытом работы в молодежных движениях. Первый путь характеризуется «постепенной» карьерой, соответствием нормам и правилам элиты и связан с исполнительством, интеграцией на правах подчиненности. Второй путь – инновационный, так

¹⁰ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 444.

как молодые лидеры вносят изменения в соотношения сил внутри элиты, представляя взаимодействия между «своими» и обществом.

Российские исследования основаны преимущественно на структурно-функциональном подходе к представленной проблеме, обосновывают «резервную» роль молодежи в воспроизводстве элит, задействования через ротацию молодежи принципов социальной меритократии, хотя периоду социальной трансформации больше соответствует мобилизационная концепция К. Манхейма. Такому выбору способствует совокупность усилий, которые предостерегают от применения теории интеграции молодежи в элиты. Во-первых, в российском обществе образование и профессия не являются каналом восходящей социальной мобильности и гарантируют только минимальный успех. Во-вторых, российские региональные элиты характеризуются «крайним практицизмом», недоверием к социальной теории и не ориентированы на интеллектуализм. В-третьих, молодежь, как социально-демографическая группа, имеет тенденцию к сокращению, и Россию можно без обиняков назвать «обществом пожилых». Все эти ограничения выводят на актуализацию социально-воспроизводственной функции молодежи, в соответствии с которой молодежь является группой недостаточной социальной зрелости и ее «тотальный» переход в элиты усугубил бы конфликт поколений.

Итак, российская молодежь, согласно социально-воспроизводственной схеме, является «резервом» региональных элит. Однако в силу неполной социальной интеграции, ориентации достиженческих устремлений в сфере бизнеса, для нее участие в воспроизводстве региональных элит малозначительно. Во-вторых, слабое участие в гражданском контроле, что связано с неавторитетностью гражданского общества и прагматизмом молодежи, сужением ее социального интереса способствует тому, что молодые россияне не прошли «первичную» политическую социализацию, не имеют социальной компетентности, чтобы выступить альтернативной силой в воспроизводстве элит. В-третьих, депрессивность большинства российских регионов, узость рынка труда, снижение качества образования и «косность» политической жизни вынуждают мигрировать наиболее мобильную и организованную часть молодежи. «Оставшиеся на местах» демонстрируют политическую апатию или ориентированы на позиции допуска к государственной службе, не выходящие за пределы личного обустройства. В-четвертых, воспроизводятся номенклатурные традиции политкорректной позиции формирования региональных элит, что в какой-то мере объясняет и дрейф достиженчески ориентированной молодежи в сферу экономики, и восприятие региональными элитами молодежи как «социально незрелой массы», не способной к занятию влиятельных позиций внутри элиты.

Во втором параграфе **«Российские региональные элиты: особенности элитогенеза и рекрутирования»** рассматривается специфика элитогенеза российских региональных элит, выявляется влияние на этот процесс «номенклатурного наследия» и пролонгирования власти в региональном социальном пространстве.

Подчеркивается, что российские региональные элиты ориентированы на контроль и изменения в оптимальных, с их точки зрения, ситуациях как в

элитной группе, так и регионе¹¹. Можно предположить, что региональные элиты представляют группу «самодостаточной власти», то есть, не настроены на социальное партнерство и настроены на сохранение власти в выстраивании иерархии властных отношений.

Российские региональные элиты сформировались из трех основных номенклатурных групп: собственно партийная номенклатура; хозяйственная элита; советский по происхождению директорский корпус. Партийная номенклатура, хозяйственники и директора составляют «ядро» региональных элит, хотя в 2001-2006 гг. произошло значительное обновление за счет прихода представителей бизнес-элиты. По элитогенезу российские региональные элиты ориентированы на политический авторитаризм, вмешательство в хозяйственно-экономическую жизнь и поддержание лояльности населения. В элитогенезе содержится два важных условия, которые дают определенное представление о возможностях участия молодежи в элитогенезе: слабость позиций молодежных активистов; сословный ценз, который выражается в наличии ресурса поддержки со стороны региональных кланов.

По мнению автора, в формировании российских региональных элит можно выделить четыре периода: волна демократических реформ; советский ренессанс, возвращение старой советской элиты; доминирование хозяйственников, представителей деловой формации; включение в вертикаль власти.

Автор считает, что элитогенез российских региональных элит связан с социальным и политическим наследием постсоветского общества и нарушением преемственности с прошлым, действием корпоративных последствий, которые вносят выходы кадровой стабильности, в реальности больше связанной с социальной и политической самодостаточностью. Относительная самодостаточность характеризует, с одной стороны – ее оторванность от населения регионов, нехватку профессиональных, деловых социетальных качеств, необходимых для взвешенного диалога с обществом, с другой – защиту региональных интересов на федеральном уровне хотя бы для сохранения и придания устойчивости своим властным позициям. Следует, однако, подчеркнуть, что реализация коллективных интересов осуществляется преимущественно асимметричными, кулуарными методами, сделками, договорами, «задабриванием» федеральных элит, которые не включают мобилизацию населения, востребованность их политического участия.

Поэтому участие молодежи в воспроизводстве региональных элит ее представителями не приветствуется, иначе сказать, не создаются условия для рекрутирования молодежи в качестве резерва обновления. Данное положение нуждается в обосновании, что актуализируется поворотом к молодежи в виде создания молодежных структур, молодежных клубов, молодежных парламентов. Большое значение при этом имеет активность администрации тех или иных территорий¹², особенно в условиях значительного уровня дистанцирования молодежи от властных структур и сужения поля проявления социальной активности

¹¹ Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004. С. 126.

¹² Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. Ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М., 2008. С. 267.

молодежи¹³. Так, почти треть (33%) молодежи, согласно социологическим данным, не участвуют регулярно в выборах, 36% – принимают участие в 1-2 выборах, 31% – в 3-5 выборах, и хотя 67% имеют опыт участия в выборах, нельзя говорить об активности молодежи, характеризующей ее как самостоятельную социальную и политическую силу¹⁴.

Молодежь воспринималась до сих пор региональными элитами как «группа умолчания», к которой необходимо обращаться для нейтрализации социально-протестного поведения или блокирования молодежного экстремизма. Разумеется, в оценке перспектив молодежи представители региональных элит исходят из прагматических ориентиров: молодежь не является самой активной и многочисленной электоральной группой и не имеет опыта нахождения в элите, молодежные субкультуры противостоят корпоративизму элиты. Что же касается отношений к молодежи как «резерву», считается, что молодые люди обязаны «пройти обкатку», и часто в соответствии с траекториями социализации советского периода. На нынешнем этапе региональные элиты утратили частично контроль над политическим и социальным пространством регионов и не могут выстраивать собственную иерархию, для которой были бы востребованы молодые рекруты.

Таким образом, принципы элитогенеза российских региональных элит: подбор по профессиональной лояльности, опыту управления, стажу пребывания на руководящей должности, корпоративизм поведения, формирование «команды из своих людей» снижают возможности привлечения молодежи. Элиты так и остаются закрытыми для «разночинцев», и если в период ельцинских реформ возникла «тропа к власти», связанная с проведением радикальных изменений и востребованностью демократов первой волны, то уже с середины 90-х годов ситуация вернулась на «круги свои». При, казалось бы, демократических процедурах проявилась тенденция доминирования старого политического класса. Итак, доминирующая социально-воспроизводственная схема, ориентированная на транзитивный статус молодежи, ее «ученичество» в социальной и социально-политической структурах, интегрированность в общество направлены на реализацию возможностей молодежи в формировании бизнес-элит как самодостаточных. Во-первых, это связывается с индивидуализацией траекторий социализации, сужением социального интереса, достиженчеством преимущественно в бизнес-сфере. Во-вторых, молодежь не рассматривает региональную политику сферой самореализации своих интересов в силу своего подчиненного статуса и несприятельности постепенной карьеры. В-третьих, социально-воспроизводственная схема основывается на функции молодежи как «успешного поколения» и «пропускает» такой важный момент, как вынужденность социальной и политической апатии молодежи, ее высокий адаптационный потенциал не компенсируется предоставлением социальных ниш в региональных элитах. В-

¹³ Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год / Отв. Ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М., 2003. С. 113.

¹⁴ Социальная активность молодежи в регионе. Материалы социологического исследования. Анапа, 2007. С. 14

четвертых, в элитогенезе российских региональных элит, несмотря на дрейф демократизации, преобладает «номенклатурность»; сдержанность по отношению к молодежи определяется кратологическими ориентациями, сохранением власти и предотвращением внутриэлитной конкуренции. В-пятых, ситуация «отдаления молодежи» создает риск «кадрового вакуума» и преобладания неформальных каналов, когда представительство молодежи включает выходцев из бизнеса, успешных молодых предпринимателей, не готовых к проведению самостоятельной молодежной политики, взаимодействию с молодежью для решения молодежных проблем. Их ориентированность на укрепление достигнутых позиций в бизнесе и расширение полезных знакомств сужают влияние молодежи по сравнению с ситуацией, если бы использовались легитимные каналы воспроизводства региональных элит через демократические выборы, подготовку молодых лидеров и гражданский контроль.

Во второй главе **«Российская молодежь и региональные элиты: поле социального взаимодействия»** анализируются процессы участия и дистанцирования молодежи от процесса воспроизводства региональных элит, исследуются институциональные и диспозиционные условия взаимодействия молодежи и региональных элит.

В первом параграфе **«Коридор институциональных возможностей омоложения российских региональных элит»** определяется диапазон возможностей молодежи в процессе обновления региональных элит.

Автор считает, что российская молодежь, чье социальное взросление приходится на период кардинальных системных изменений в жизни общества, вступила во взрослое состояние не по схеме К. Мангейма, как востребованный мобилизационный ресурс. Особенность социальных трансформаций, определенных интересами элит, определяет место социально-инновационной деятельности молодежи в свободных сферах складывающейся рыночной экономики и так называемой «частной, приватной жизни». Используется ли модель, ограничивающая институциональные возможности, или спектр возможностей молодежи на участие в так называемых нелегитимных социальных практиках, основанных на конвенциональных соглашениях и деформализации формальных правил?

Если взять организационный аспект, в России создана вертикальная структура управления молодежной политикой. Во всех 89 субъектах РФ имеются органы по делам молодежи, на федеральном уровне существует Департамент по молодежной политике Минобразования РФ. В 1995-2000 гг. осуществлялась федеральная программа «Молодежь России», которая включала 14 подпрограмм по таким основным направлениям, как информационное обеспечение молодежи, проблемы образования, занятости, предпринимательства, решение жилищной проблемы, поддержка молодой семьи и развитие детских и молодежных организаций. Создана нормативная база государственной молодежной политики. В 1995 году одобрен федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», в 2002 году принят закон «Об основах государственной молодежной политики в РФ», который определяет правовой статус молодежи, не только декларирует, но содержит меры по реализации прав российской молодежи.

Возникла разветвленная структура общероссийских и региональных молодежных организаций (на федеральном уровне действует 34 молодежные

организации, в Южном федеральном округе зарегистрирована деятельность 29 организаций). В 2004 году создан Совет по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания РФ с молодежными парламентами субъектов РФ, возникшими в 1995-2001 гг. молодежными общественными организациями. Созданный в 2003 году Молодежный комитет при Государственной Думе является общественной организацией и имеет консультативный статус.

Таким образом, институционализируется направление «социальной опеки» и «социального контроля», что приводит к «выпадению» социально активной, образованной и успешно адаптированной молодежи, которая, на наш взгляд, и является наиболее перспективной для воспроизводства региональных элит. Поэтому институциональные возможности молодежи можно определить как позиции самореализации и политической самостоятельности, то есть способности интегрироваться в региональные элиты и привлекаться к ее качественному обновлению.

Выявлено, что институционально-правовое поле открывает возможности элитной карьеры, но с другой стороны, институты социализации (образование и занятость) ориентируют на избирательную социальную интеграцию, активность в сфере бизнеса и экономической самостоятельности, демократические и гражданские институты воспринимаются незначительными для реализации жизненных планов и личной самореализации. Хотя «все основные действующие лица и соответствующие им институты общества занимают свои позиции и уже не ставят под сомнение намеренность этих целей»¹⁵, институциональные возможности молодежи дают эффект «уравнивания с другими слоями», то есть вынужденной адаптации или, как считают 1/3 молодежи, дискриминации по отношению к молодежи.

Так как региональные элиты во многом «скалькированы» с режима «президентской власти», авторитарны, а традиции коммунитаризма не так развиты и укреплены, как в других федеративных сообществах (Бразилия, Индия, ФРГ), доминирующим является «узурпация власти», что провоцирует молодежь к дистанцированию от региональных элит, поскольку «ответственность понижается» и не происходят кардинальные изменения во взаимодействии региональных элит и населения региона. Интерес повышается с ожиданиями на период «свежих сил», как это прослеживается в Прикамье (Пермский край), а если региональные элиты ориентированы на стабильность, у молодежи наблюдается «падение интереса» к их деятельности.

Установлено, что институциональные возможности молодежи асимметричны, политические права и свободы «провисают» в ситуации неэффективности институтов образования и занятости. Между институтом прав и свобод и институтом образования есть «вакуум», который может быть восполнен гражданскими практиками, гражданская самореализация молодежи является «результатом собственных усилий» и не может быть декларирована законодательно. Государство в виде правовых норм устанавливает только рамки деятельности молодежи, и если региональные элиты заинтересованы в росте молодых людей, то эти устремления не могут не стимулировать автономность молодежи.

¹⁵ Социология и современная Россия. М., 2003. С. 148.

Итак, действующие молодежные структуры и организации, которые поддерживаются государством, несмотря на предъявляемые им претензии в «формализме», затрагивают, дают возможность участия молодежи в жизни регионов, но при перспективах расширения неформальных норм гражданского участия, перевода достиженческой энергии молодежи из сферы бизнеса в сферу гражданского общества. И, на наш взгляд, воспроизводство региональных элит через гражданский контроль, через ассоциации молодежи, предъявление региональным элитам требований придерживаться как правовых норм, так и норм ответственности в отношении населения региона эффективно. Во многом, будущее региональных элит зависит от того, каким образом взаимодействует молодежь в собственной среде, как молодежь позиционирует свое гражданское участие, как она выстраивает свои отношения с государством и как позиционирует себя в отношениях с региональными элитами.

Второй параграф «Позиционирование молодежи в формировании региональных элит» включает анализ позиций молодежи по отношению, как к региональным элитам, так и к перспективам вхождения в региональные элиты, связанные с установками молодежи на социальную карьеру и с реализацией определенных поведенческих стратегий. Важное значение имеет позиционирование молодежи, то есть привязка молодежи к системе устойчивых диспозиций и борьба за сохранение и развитие собственных социальных позиций в воспроизводстве региональных элит. Является ли молодежь социальной группой, которая готова к совместным действиям за расширение своего влияния в обществе и, прежде всего, воздействия на региональные элиты? Прежде всего, важно узнать, какая установка - этнонациональная, социально-профессиональная или гражданская - преобладает в сознании молодежи.

Согласно социологическим данным¹⁶, только каждый пятый молодой россиянин исходит из гражданской установки, что свидетельствует о неразвитости гражданских социетальных качеств, тех качеств, которые бы повысили привлекательность молодежи в формировании региональных элит. Гражданская установка молодежи включает: легитимность норм гражданского общества; преобладание гражданской идентичности; ответственный индивидуализм, готовность к защите прав и свобод; гражданское участие, гражданский контроль региональных элит. Ю.А. Зубок отмечает, что для современной российской молодежи гражданство идентифицируется, прежде всего, с формальной принадлежностью к государству, со своего рода членством в нем, и в меньшей степени молодые люди отождествляют понятие «гражданство» с конституционными правами, с патриотизмом, с чувством безопасности и защищенности, что отражает отношение молодежи и к конституции, провозглашающей права, но не обеспечивающей их реализацию, и к государству, не способному защитить своих молодых граждан¹⁷.

Автор диссертации исходит из того, что можно обвинить молодежь в недостаточности гражданской активности, индивидуализме, в неразвитости со-

¹⁶ Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 138.

¹⁷ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. С. 68.

циальной организации, можно сослаться на авторитарный синдром в настроениях россиян, веру в «могущество элит» и перекладывание ответственности на элиты. Однако можно предположить, что эти обвинения становятся непротиворечивыми, если предположить, что молодежь отрицает опыт старших поколений, пренебрегает активностью в политической сфере, так как ассоциируют ее с зависимостью, возвращением к патернализму. Поэтому гражданские установки молодежи обнаруживают расхождение между представлениями о гражданстве и примирением с обстоятельствами, которые гражданскую позицию не обеспечивают¹⁸.

Итак, региональные элиты в позициях молодежи воспринимаются людьми, реально влияющими на ситуацию в регионе, но часто доминирует негативная оценка их деятельности. Большинство опрошенных молодых респондентов воспринимают действия региональных элит, как корпоративные, направленные на удовлетворение групповых, карьерных, властных интересов. Свое участие в воспроизводстве региональных элит молодежь оценивает противоречиво: с одной стороны, молодые люди признают роль элит в целенаправленной консолидации российского общества и необходимости управления сложными социальными и социально-экономическими процессами. С другой стороны, осознавая общественную востребованность в региональных элитах и необходимость ротации, молодежь акцентирует внимание на отрицательных качествах региональной власти, внедряемых либо СМИ, либо оцениваемых в зависимости от собственного социального самочувствия.

Анализируя результаты проведенного нами социологического исследования, мы попытались найти эмпирическую верификацию выдвинутым положениям. Так, большинство опрошенных (72%) считают, что для работы в общественном формировании необходима, прежде всего, организаторская квалификация, то есть подходит с позиции утверждения формальных норм, в то время как профессиональные, управленческие и социальные квалификации остаются в тени (табл. 1).

Таблица 1
Какая, по Вашему мнению, квалификация обеспечивает в большей степени презентацию социальной активности молодежи? (в %)¹⁹

Варианты	%
Организаторская квалификация	72
Профессиональная квалификация	12
Управленческая квалификация	10
Социальная квалификация	6

¹⁸ Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов. М., 2005. С. 12.

¹⁹ «Социальная активность молодежи в регионе». Материалы авторского социологического исследования. Анапа, 2007.- С.8.

В ответе на вопрос о степени привлекательности общественной деятельности для молодежи респонденты в основном придерживаются позиции относительной успешности общественной работы, которая имеет смысл, если помогает в решении каких-то проблем, помощи коллективу или в достижении жизненной карьеры (табл. 2).

Таблица 2

Какое утверждение о привлекательности общественной деятельности для молодежи в большей степени соответствует Вашему мнению?²⁰

<i>Суждение</i>	<i>%</i>
Общественная деятельность может рассматриваться в качестве благотворительной, но вряд ли может стать основным видом деятельности.	23
Общественная деятельность может быть привлекательной, если она приносит определенный доход.	46
Общественная деятельность не может стать основной, так как, в первую очередь, требуется обеспечить материальную базу своей семье, а общественная работа будет занимать все время.	31

Можно сказать, что в отношении к общественной работе прослеживается прагматизм, и, следовательно, молодые активисты не ориентированы на ее самоценность. Обязательным условием выступает материальная независимость, что отражает в целом установку молодежи на «высокие доходы», а не на гражданскую активность. В позициях респондентов выражается клише обеспеченности. Но успешно адаптированная молодежь не проявляет интереса к общественной деятельности, так как считает, что уже состоялась и тратит свободное время на досуг, путешествия, потребление, считая, что на власть могут полагаться только неудачники или люди, нуждающиеся в поддержке государства.

Итак, в позициях общественных активистов, хотя и признается важность общественной работы, она ограничивается традиционным «организационным подходом» и невостребованностью управленческих, социальных качеств, что понижает привлекательность омоложения элит. По выбору «организационных способностей» молодежь отдает инициативу «элитам», которые в силу статуса определяют наличие/отсутствие таких способностей, а низкая оценка навыков, которые повышают конкурентоспособность молодежи, сужает базу потенциальных преимуществ на вхождение в региональные элиты.

В третьей главе «Пути обновления региональных элит: субъектный аспект» исследуются перспективы обновления региональных элит на основе

²⁰ «Социальная активность молодежи в регионе». Материалы авторского социологического исследования. Анапа, 2007.- С.11.

анализа ценностных и идентификационных предпочтений российской молодежи.

В первом параграфе «Элитизм в ценностных предпочтениях молодежи российских регионов» определяется место элитизма в иерархии ценностей российской молодежи и анализируется влияние ценностных предпочтений молодежи на их позицию к обновлению региональных элит.

Согласно социологическим данным, у подавляющего большинства молодежи (70%) есть главная цель жизни, ее нет только у 9% молодых людей, а 21% не задумывались²¹. Это свидетельствует, что молодежь при всех издержках социальной дезориентации и социально-ценностной аномии российского общества, руководствуется ценностными ориентирами, строят свою жизнь в соответствии с представлениями о должном и «желаемом», также и негативном, то есть ищемшем характер социальной антиценности. Судя по ценностным предпочтениям молодого поколения, его можно отнести к поколению «прагматиков», избегающих высоких целей, связанных с общественными и общественно-политическими идеалами и ориентированных на профанные цели, цели социального микроуровня.

Иерархия жизненных ценностей российской молодежи показывает, что, несмотря на указанное «переходное состояние», молодые россияне делают самостоятельный выбор, и инструментальный коллективизм не означает утрату интереса к фундаментальным ценностям. Подвижки в ценностных настроениях молодежи асимметричны перспективе формирования ценностного консенсуса в российского общества, который не строится по оси разделения: «коллективные ценности – индивидуальные ценности», «демократические ценности – авторитарные ценности» и даже не «традиционалисты – модернисты», а включает стремление к балансу инструментальных и неизменных ценностей, соединению рыночных, демократических норм и ценностей порядка и социальной справедливости. Результаты социологических исследований показывают, что российская молодежь, по сравнению со старшими поколениями, делает определенные шаги в сторону «индивидуальной ответственности», свободы, самостоятельности, но не настолько, чтобы заявлять о конфликте поколений²².

Российская молодежь отклоняет комплекс «старого элитизма», который опирался на авторитет государства, культуру подданничества и положительные оценки всей деятельности населения региона, которое «платило» взаимностью в виде одобрения, признания региональным элитам. Новый элитизм построен на открытость, демократизм, заключение контрактных отношений населения с элитами. Модель нового элитизма включает такие ценности, как свобода, демократия, профессионализм, патриотизм, ориентирующие на обновление элит, как процесс ее гражданского контроля и поддержания равенства групп регионального социума.

Так, новый элитизм не связан с привилегированностью какой-нибудь группы, в иерархии ценностей молодежи отсутствует понятие «группового ус-

²¹ Базовые ценности россиян. М., 2003. С. 19.

²² Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 108

пеха», молодежь признает индивидуальные усилия и индивидуальный путь к счастью, наделяя элиту ответственностью за общее дело, состояние дел в регионе. Ориентация на равенство индивида и корпорации означает, что для молодых россиян одобрение ценностей элитизма выражается в желательности «быть больше профессионалом, управленцем», чем другие или добиться такой самостоятельности, чтобы быть способным заботиться об остальных.

Ценности элитизма приобретают инструментальную направленность, так как не связаны ни с гражданским патриотизмом, ни с общественным долгом. Поэтому участие молодежи в воспроизводстве региональных элит оценивается сдержанно, чаще скептически и в условиях, когда в выборах участвует регулярно только треть молодежи, влияние молодежи не является существенным. Участие молодежи в воспроизводстве, как подготовка молодых лидеров с целью выявления их инновационного потенциала для вхождения в региональные элиты, также имеет неясные перспективы в связи с недоверием молодежи к структурам, делегирующим их интересы, слабой социальной конкурентоспособности и отсутствием такой иерархии ценностных ориентаций, которые бы мотивировали взаимодействие с конструктивными политическими силами.

Молодежь пока не готова предложить региональным элитам отношение к региональным проблемам, которое бы содержало установки на социальную консолидацию и социальную стратегию, возможности компромисса по «ключевым вопросам» и можно было бы использовать символический капитал (уважение со стороны старших поколений).

Во втором параграфе **«Идентификационные предпочтения российской молодежи и повышение инновационной активности региональных элит»** выявляется влияние идентификационных предпочтений российской молодежи на инновационный потенциал региональных элит, их способность к «самоомоложению» и расширению слоев рекрутирования.

Подчеркивается, что идентификационные предпочтения российской молодежи отражают весь спектр проблем современного российского общества: и социальное расслоение, и социально-ценностную аномию, и дефицит консолидирующих, интегративных идентификационных матриц. Конечно, наше предположение нуждается в эмпирической верификации, но ясно, что отношение к молодежи, как социальному авангарду, основной модернизационной группе общества, страдает «натяжкой». Российская молодежь действительно обнаруживает высокую степень адаптации к изменениям по сравнению с другими социальными группами и слоями, свободна от коллективных и патерналистских норм и ценностей, и в то же время в ее социальном поведении и самочувствии наиболее ярко проявляются социальная дезориентация, дезинтегрированность, деградация, склонность к социальной девиантности, политическая апатия и резкое сужение социального интереса.

Перекос в сторону микроидентичностей позволяет обеспечить интегрированность микромира, игнорировать политику и воспринимать представителей региональных элит, как «чужих», но эти «достоинства» влекут сложности «социальной презентации» молодежи, которая, имея групповые интересы, не в состоянии их сформулировать для тех же региональных элит. К тому же молодые россияне, опираясь на семью, друзей, коллег по работе, попадают в «капкан» социальной несостоятельности, формируя свои представления на основе

неадекватной социальной самооценки и формул «массового сознания». В такой ситуации молодежь оказывается непризнанной по сравнению с другими социальными группами и соответственно снижается ее стремление придерживаться высокой степени социальной адаптации, которая сводится к банальному материальному успеху, но не влияет на групповое самоопределение молодежи.

На наш взгляд, непопулярность гражданской идентичности у молодежи влияет и на ее статус в регионах. Кажущееся лидерство региональной идентичности приводит к тому, что часть молодежи (почти 40%) не интересуется ни общероссийскими, ни региональными проблемами, так как в «связке» с «малой родиной» присутствует желание отгородиться от большого мира, сузить мир социальных ролей, ценой когнитивного диссонанса согласовать жизненные цели, относящиеся к региональному сообществу²³.

Итак, идентификационные предпочтения российской молодежи ориентируют на воспроизводство региональных элит с позиции «постороннего наблюдателя». Как показано в диссертационном исследовании, молодежь не прилагает усилий для повышения собственных мобилизационного, символического и организационного ресурсов. Если знание с точки зрения базовых идентичностей изменяет перспективы, осмысливается, находит свое отражение в сознании общества²⁴, то молодежь выступает авангардной группой общества. Российская молодежь является высокоадаптивной группой, но не имеет статуса социальной референтности, что указывает на самоограничения и ограничения институционального характера. Идентичность, как стартовая точка расширения социальных позиций, может способствовать прорыву в социальных взаимодействиях. Молодые россияне, идентифицируя себя с «кругом близких» или «коллегами по работе», не ориентируются на референтность, так как в их поведении символический ресурс используется только в контексте социальной адаптации.

Молодые россияне при идентификационном выборе испытывают дефицит социальной компетенции, знание того, как живут другие социальные группы, депривацию по возрастному цензу, невключенность социальной меритократии. Как мы убедились, идентификационные предпочтения молодежи контрастны и содержат «тенденцию обособления», ухода в социальную микросферу, но в российском обществе так и не достигнут консенсус по базисной идентичности, а «размытая» идентификация не способствует стремлению «понять и узнать» другие социальные слои.

Можно предположить, что в ситуации «локализации» интересов региональные элиты представляют «оппозиционность Центру», которая проявляется в негативной форме перекладывания ответственности и регионального популизма. Возможен оптимальный вариант, когда локализация интересов связывается с активностью на уровне местного самоуправления, что легитимирует интерес к воспроизводству региональных элит. Как показывает опыт органов местного самоуправления Краснодарского края, через молодежные структуры местного самоуправления можно вовлечь в активную социальную деятельность 10-15%

²³ Актуальные проблемы образования. М., 2003. С. 205.

²⁴ Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 209.

ранее пассивной молодежи. Через систему локальных интересов молодой человек включается в политическую социализацию (поисковые военно-патриотические объединения, кружки технического творчества, спортивные, компьютерные клубы). В ситуации депривации у молодежи формируется стойкий, «антимосковский» комплекс, что ведет к усилению социального и политического абсентеизма или рекрутированию в радикальные или криминальные структуры, что происходит в Санкт-Петербурге, где на основе утраченной сплоченности и негласной конкуренции с москвичами, из числа «фанатов» формируются организации экстремистского толка. Поэтому неоспоримым является повышение гражданской идентичности молодежи, которая и определяет конструктивную реакцию молодежи, ориентированной на достижение и заинтересованной в стратегическом развитии региона.

В «Заключении» диссертации подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК

1. *Гущина Н.А.* Ресурсный потенциал российской молодежи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. 2006. № 4 – С. 113-116. (0,3 п.л.)

2. *Гущина Н.А.* Российские региональные элиты: особенности элитогенеза // Научная мысль Кавказа. Дополнительный выпуск. 2006. – 07 п.л.

Брошюры

3. *Гущина Н.А.* Молодежь в воспроизводстве региональных элит: концептуализация понятий / Юж.-Рос. гос. тех. ун-т (НПИ) – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2007. – 2,7 п.л.

Статьи, доклады, выступления

4. *Гущина Н.А.* Молодежь и ее восприятие жизни в курортном городе // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Специальный выпуск. 2006. Декабрь. Ч.1.– С. 115-119. (0,3 п.л.)

5. *Гущина Н.А.* Региональная молодежная политика: достижения и проблемы // Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы / Южно-Российское обозрение. – 2005. № 31.– С.79-84. (0,4 п.л.)

6. *Гущина Н.А.* Современное положение молодежи: тенденции и особенности социализации // Актуальные социально-экономические проблемы го-

70 ✓
рода-курорта Анапа и пути их решения (матер. межвузов. конф.).- Краснодар: ЮИМ, 2005.- Стр. 64-68 (0,25 п.л.)

7. *Гущина Н.А.* Жизненные стратегии молодежи как результат успешности социальной адаптации // Просект Евразия: Влияние партнерского взаимодействия на эффективность социальной адаптации молодежи: Сборник научных статей. Юж.-Рос.гос.техн.ун-т(НПИ). – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2004.- Стр. 35-40 (0,3 п.л.)

8. *Гущина Н.А.* Российская высшая школа в формировании региональных элит/ Социальное знание и практика: сб. науч. статей/ Юж.-Рос. гос.техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2006.- Вып.1.- Стр.41-48 (0,5 п.л.)

9. *Гущина Н.А., Щербакова Л.И.* Молодежь в воспроизводстве региональных элит: институциональные возможности/Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Выпуск первый. Сб. матер. междунар. науч.-прак. конф. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007.- С.159-164 (0,4 п.л./0,2 п.л.)

Гущина Наталья Александровна

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: СОЦИОСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ**

Автореферат

Сдано в набор 26.05.2008. Подписано в печать 27.05.2008.
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Уч. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 47-6651.

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)
Центр оперативной полиграфии ЮРГТУ(НПИ)
346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132, тел. 55-305